

УДК 316.4+159.9

**КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРАВМЫ
КАК ПРЕДМЕТ MEMORY STUDIES:
СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО ДИСКУРСА**

Аникин Д.А.

В статье анализируется проблематика культурных травм как предмета исследования в рамках memory studies. Автор выделяет психологическую и социологическую трактовку травмы, обращая внимания на то, как их переплетение задает многообразие ракурсов изучения травмы в отечественной гуманитарной науке. На примере основных работ, посвященных коллективным травмам, выявляется специфика обращения к этой теме, а также определяется возможность применения понятия «культурная травма» к анализу памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: историческая память, травма, конструирование, дискурс, война, травматизация.

**COLLECTIVE TRAUMAS
AS A SUBJECT OF MEMORY STUDIES:
THE SPECIFICS OF RUSSIAN DISCOURSE**

Anikin D.A.

The article analyses the problems of cultural traumas as a study subject in the framework of memory studies. The author highlights the psychological and sociological interpretation of trauma paying attention to how their interweaving sets the variety of angles for the trauma studying in domestic humanitarian science. On the example of the main works on collective injuries, the specifics of addressing this topic are revealed, and the possibility of applying the concept of “cultural trauma” to the analysis the Great Patriotic War memory is also determined.

Keywords: historical memory, trauma, construction, discourse, war, traumatization.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

Обращение к исследованию культурных травм в каком-то смысле явилось логичным следствием катастрофического XX века, наполненного преступлениями против человечества или отдельных народов, но при этом сам дискурс травмы достаточно быстро превратился в совокупность разрозненных высказываний, обращенных на различные социологические или психологические аспекты негативных воспоминаний о прошлом. Поскольку различие психологического и социологического аспектов исследования травмы уже нами рассматривалось [3], то в данной статье имеет смысл поставить вопрос о механизмах возникновения травмы и границах использования данного понятия.

Дело в том, что само понятие травмы достаточно быстро приобретает политическое значение, становясь способом манипуляции определенными образами прошлого ради достижения экономических и политических предпочтений в настоящем. Достаточно вспомнить о так называемом «экспорте вины», в силу которого государства Восточной Европы достаточно быстро сжились с образами жертв даже не одного, а двух «тоталитарных режимов», культивируя травматическое восприятие недавнего прошлого ради улучшения своих политических перспектив. Поэтому вопрос о культурной травме в современном гуманитарном дискурсе оказывается замкнут между двумя крайними точками – субстанциализмом и радикальным конструктивизмом.

Субстанциалистская трактовка травмы берет в качестве исходной точки анализа конкретное историческое событие, имевшее катастрофическое последствие для его участников и потому объективно способствовавшее возникновению культурной травмы. Существенным изъяном подобной позиции является невозможность объяснения, почему далеко не каждое историческое

событие, сопровождавшееся большим количеством жертв, становилось предметом культурной травматизации.

Радикально конструктивистская трактовка травмы игнорирует историческую подоплеку, видя в процессе травматизации реализацию определенных политических интересов со стороны коллективного субъекта (как правило, государства или заинтересованного в расширении своих прав сообщества). Но подобный конструктивизм, хотя и делает важное смещение предмета исследования с самого события на травматический дискурс, отказывается, по сути, от поиска закономерностей возникновения культурных травм, сводя их к произвольной трактовке исторического прошлого в угоду настоящему.

Поскольку обе позиции представляются ограниченными с точки зрения выстраивания целостной теории травматизации, то стоит обратить внимание на позицию умеренного конструктивизма, согласно которой процесс создания культурной травмы не является произвольным, а подчиняется определенным закономерностям.

Первый механизм, важный для возникновения культурной травмы, заключается во временной дистанции, образуемой сменой поколений. Х. Игартуа и И. Паез выделяют четыре основных аспекта поколенческой динамики, создающих возможность возникновения травматического нарратива [7, p. 81-82].

Во-первых, существенным является возникновение определенной психологической дистанции, которая позволяет зафиксировать само существование травмы для непосредственного участника или очевидца травмирующего события. Дистанция в данном случае имеет двойственный характер, поскольку не только позволяет уменьшить боль от воспоминаний о пережитом, но и констатировать невозможность забвения травмирующих воспоминаний.

Во-вторых, возможность поддержания травмы определяется накоплением определенного символического и экономического капитала, что становится

возможным лишь по мере взросления (или даже старения) участников травмирующего события. Именно по мере накопления данного капитала у них появляется не только желание, но и возможность увековечить определенное историческое событие с помощью мемориальных средств или сохранить память о нем в виде нарративных документов, ориентированных на публичную аудиторию.

В-третьих, стоит учитывать чисто психологическую закономерность, что наиболее яркие воспоминания закладываются в подростковом и юношеском возрасте (12-25 лет), поэтому возникает закономерность травматизации определенных исторических событий именно теми их очевидцами, которые на момент реализации данных событий попадали в указанные временные рамки.

В-четвертых, стоит учитывать и социальную динамику, в силу которой те события, которые потенциально имеют травматический характер (война, диктатура, гражданские беспорядки) имеют свой жизненный цикл, который крайне редко превышает 20-30 лет. Поэтому именно подобный временной промежуток позволяет создать объективные условия не столько для восприятия событий относительно недавнего прошлого в качестве травматических, сколько для опубличивания подобной их оценки.

Несмотря на существенный эвристический потенциал, которым обладает подобная классификация, стоит обратить внимание на то, что создаваемая подобным образом травма является результатом совпадения индивидуальных усилий по осмыслению или переживанию тех событий, участниками или очевидцами которых были индивиды, участвующие в возникновении травматического дискурса. Исходя из такой логики, становится невозможным объяснение того, каким образом травма может передаваться из поколения в поколение или возникать спустя значительный промежуток времени после того, как из жизни ушли современники травмирующего события. Ответ на этот вопрос заключается в применении различия различных видов травм, которая была предложена Р. Айерманом [1, с. 51].

Р. Айерман, различая концепты индивидуальной, коллективной и культурной травмы, делает важное замечание о том, что индивидуальная и коллективная травма основываются на конкретном событии, которое превращается в «незаживающую рану», периодически напоминая о себе. В данном случае существенным признаком травматичности становится сама невозможность распрощаться с прошлым, постоянное возвращение в определенную точку, не дающую возможности перекомбинировать прошлое в контексте происходящих изменений. Травма становится цикличной, потому что любой новый опыт вынужденно интерпретируется через заранее заданную эмоциональную сетку.

Но с культурной травмой ситуация оказывается сложнее, поскольку ее основной характеристикой является не «рождение», а «создание». Перефразируя Айермана, можно сказать, что в случае культурной травмы мы наблюдаем определенную временную петлю, поскольку не событие определяет травму, а травма конструирует определенную интерпретацию исторического прошлого, задает выбор того или иного события, трагическое восприятие которого становится фактором поддержания коллективной идентичности. Но из такой трактовки логически следует, что поддержание коллективной идентичности за счет настойчивого возвращения к определенному набору исторических событий не обязательно оказывается обусловленным травматическим характером данных событий. Иначе говоря, наряду с виктимизацией прошлого эффективной стратегией является и глорификация, которая, в противовес подчеркиванию трагичности существования сообщества, акцентирует внимание на победных страницах его истории [6, р. 32-34].

Анализ данной проблемы имеет несомненную теоретическую ценность, поскольку признание в качестве основного и единственного критерия культурной травмы эффект консолидации определенного сообщества приводит к тому, что само понятие травмы утрачивает какой-либо эвристический потенциал. В рамках подобной расширительной позиции травмой может быть названо любое историческое событие, актуализируемая посредством

коммеморативных практик память о котором выступает важным элементом коллективной идентичности. Но тогда возникает вполне логичный вопрос о том, насколько может являться травмой то событие, которое является для сообщества предметом гордости. Учитывая конструктивистский характер культурной травмы, за скобкой данного вопроса остается оценка характера самого исторического события, поскольку речь идет не об объективной его значимости в онтологическом измерении, а о конкретном социально-политическом значении в определенный период времени.

Для уточнения характера культурной травмы существенным оказывается еще одно замечание Р. Айермана: «Полная противоположность позиций и неравенство преступника и жертвы – вот что отличает культурную травму как дискурс. В этом смысле культурная травма – делящийся дискурсивный процесс, обусловленный дихотомией между преступником и жертвой, которая обостряется в связи со значительным, незабываемым событием» [2, с. 125]. Из этого высказывания следует, что травматичность является характеристикой не события, а дискурса. соответственно, она проявляется в дуалистической организации нарратива об историческом событии, предполагающей четкое противопоставление преступника и жертвы.

Насколько такая структура построения дискурса применима к высказываниям в современном российском обществе о Великой Отечественной войне? На официальном уровне можно констатировать, что память о войне – это дискурс победы, а не травмы, когда в качестве виновника и преступника выступают абстрактные субъекты, никак не соотносимые с современными государствами или сообществами. Но при этом травматизация войны сохраняется в отдельных локальных сообществах, в которых образ преступниками приобретает самые разные конфигурации – от нацизма во всех его проявлениях до Сталина. Следовательно, проблема заключается не столько в самом наличии травмы, сколько в ее представленности в публичном дискурсе. К числу таких «травматических» сообществ можно отнести, прежде всего потомков репрессированных, для которых, однако, травмой является все-таки

не сама война, а ее соотношение с катастрофическими действиями советского государства по отношению к собственным гражданам [5, с. 14]. Как отмечает С. Ушакин, «в рамках этой повествовательной матрицы победа – это не выигрыш, и потому успех здесь редко ассоциируется с эффективным применением силы или, допустим, удачным использованием хитрости. Эти победы отчаяния – как правило, случайные и достигнутые "вопреки всему" – неотрывны от лишений» [4, с. 28].

Представленный анализ демонстрирует, что проблематика травм в современном российском обществе остается, если можно так выразиться, достаточно «травматичной», причем существенную роль играет взятие на вооружение данной проблематики политическим дискурсом. Указанное обстоятельство делает особенно острой проблему рефлексии российских *trauma studies* над методологическими основаниями собственных исследований, сохранение сциентистской направленности в анализе сложных и неоднозначных процессов переосмысления коллективного прошлого.

Особую сложность приобретает исследования коллективных травм применительно к изучению памяти о Великой Отечественной войне, что объясняется не только политическими, но и методологическими затруднениями. Если говорить о психологической природе коллективных травм можно лишь по отношению к малочисленной категории населения, состоящей из непосредственных участников или очевидцев данного исторического события, то применение социологического подхода наталкивается на несколько проблемных моментов.

Во-первых, конструктивистская теория демонстрирует, что травмой является конкретное историческое событие, которое приобретает значимость для определенного сообщества в силу консолидирующего воздействия, но при этом само событие носит характер негативный, вынуждающий сообщество постоянно сохранять память о нем ради недопущения его повторения. С этой точки зрения память о Великой Отечественной войне, безусловно, имеет консолидирующий характер для современного российского общества, но при

этом не носит негативного характера. Здесь скорее можно говорить о смещении акцентов в сторону глорификации, а не виктимизации памяти о войне, что особенно проявляется как в публичной риторике, так и в коллективных ритуалах, нацеленных на поддержание памяти.

Во-вторых, использование понятия «коллективная травма» в изучении памяти о Великой Отечественной войне оказывается возможным в том случае, если мы говорим о коллективной памяти локальных сообществ, например, крымских татар или немцев Поволжья. Для них эта война оказывается напрямую сопряженной с трагическими событиями национального прошлого, что заставляет возвращаться в дискурсивных или ритуальных формах к данному событию. В других ситуациях можно поставить вопрос о потенциальной травме, которая, однако, не стала поводом для выделения и консолидации определенного сообщества, например, для потомков коллаборационистов.

Вместе с тем применение методологии изучения коллективных травм к памяти о войне позволяет поставить еще один любопытный вопрос о том, как сама память может становиться травматичной. Иначе говоря, травматическими характеристиками начинает наделяться память о войне, которая не соответствует общепринятому канону. Это создает своеобразную ситуацию – коллективной травмой становится не сама война, а выстраивание по поводу нее альтернативного мемориального дискурса, что позволяет связать данный процесс травматизации с последствиями культурного ресентимента 90-х годов XX века.

Таким образом, исследования травм в российской гуманитарной науке за последние двадцать лет продемонстрировали наличие нескольких полей, демонстрирующих, однако, определенный методологический сдвиг от анализа собственно травм к изучению процесса травматизации. Во-первых, по-прежнему важной задачей остается анализ психологических аспектов травматизации, что обусловлено реабилитацией участников военных конфликтов позднесоветского и постсоветского периодов. Во-вторых,

существенной чертой современных исследований травм является подчеркнутое внимание к деятельности медиа (в широком смысле этого слова) в процессах травматизации и детравматизации. В-третьих, на стыке политической антропологии и *memory studies* образуется крайне интересное и непроработанное поле исследований, посвященных проникновению в коллективное сознание современных сообществ травматических событий отдаленного прошлого, их влиянию на символические практики данных сообществ, а также механизмам символической конкуренции.

Список литературы:

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 (141). С. 40-67.
2. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138.
3. Аникин Д.А. Травматизация исторической памяти: европейский проект versus национальный дискурс [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2019. № 4. URL: <http://st-hum.ru/node/854> (дата обращения: 15.12.2020).
4. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?». О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-41.
5. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
6. Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. 412 p.
7. Igartua H., Paez I. Art and remembering traumatic collective events: The case of the Spanish Civil War // Collective memory of political events: Social psychological perspectives / Ed. by J.W. Pennebaker, D. Paez, and B. Rimé. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 79-102.

Сведения об авторе:

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Data about the author

Anikin Daniil Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

E-mail: dandee@list.ru.